

О некоторых микроконцептах в осетинских паремиях

Бесолова Е.Б.

В статье рассматриваются паремии, в которых человеческие качества и характеристики аллегорически передаются через описания животных, птиц и насекомых как эталонных носителей положительных или отрицательных качеств.

Ключевые слова: концепт, паремия, зоонимы, орнитонимы, инсектонимы, национально-специфическое видение мира

This article investigates Ossetic folk sayings that allegorically represent human qualities via descriptions of animals, birds, and insects that are believed to be the prototypical bearers of these positive or negative qualities.

Key words: concepts, Ossetic folk sayings, animal names, bird names, insect names, culturally-determined worldview

Паремическая картина, как известно, является частью языковой картины мира, выраженной в фольклорных текстах, и содержит принятые в обществе нормы морали, ценности, стереотипы поведения. Пословицы, поговорки и загадки репрезентируют те концепты, которые являют собой важную составляющую национального сознания носителей определенной лингвокультуры и связываются с прагматическими требованиями этих жанров [Ойноткинова 2012: 66], а представленные в паремических дискурсах образы животных, птиц, насекомых и окружающих человека реалий сближаются на основе внешних или внутренних признаков.

В осетинских пословицах и поговорках — так же, как в паремиях других языков — образы представителей животного

мира получают рациональную оценку и становятся основой для сопоставления с людьми. Повадки животных, птиц и насекомых мыслились осетинами наиболее подходящими для сравнения с поведением людей, для характеристики их морально-нравственных, интеллектуальных, физических качеств. Использование зоонимов, орнитонимов и инсектонимов с целью выделить положительные или отрицательные качества человека посредством уподобления его животному, птице или насекомому, объясняется значимостью их роли в жизни человека. Животные всегда окружали людей, были частью быта и часто становились олицетворением духовной сферы: «Животные ведут себя по-человечески, но люди живут по-разному, в разных социально-бытовых условиях, и это разнородное целое отражается в языке и национальном сознании» [Гукетлова 2009: 7].

Большую группу метафорических высказываний осетинского языка составляют поговорки, в которых человеческие качества и характеристики аллегорически передаются через описания животных, птиц; ср.: *Халон халоны цаест нае къахы* — Ворон ворону глаз не выклюет. *Зулкъ уаллоныл алгъ кодта*. — Червь брезговал дождевым червем. *Зулкъ алгъай мард*. — Червь подыхал от брезгливости (червь и аллегория чрезмерной брезгливости, и источник чувства брезгливости).

Цвет, обладая глубокой семантикой, в системе традиционной культуры играет существенную роль. Но, к сожалению, в поговорках редки эпитеты с использованием широкой гаммы цветовых обозначений. В этом плане осетинские поговорки, поговорки и загадки — не исключение. В основном для них характерно противопоставление эпитетов *сау* ‘чёрный’ и *урс* ‘белый’ с множеством их семантико-художественных возможностей, ср.: *Йæ куыст урс, йæхæдæг — сау* (*Хъуг, æхсыр*). — Сама черная, а продукт из нее белый (Корова, молоко). *Сагъай саудаер, мигъай урсдаер, хæдзарай баэрзонддаер, кæрдæгъай ныллæгдæр* (*Гæркъæраг*). — Чернее сажи, белее тучи, выше дома, ниже травы (Сорока). Ср.: метафорический

образ в приведённой ниже пословице: *Сау хохы фыййау сау намыг бахордта, урс хохы фыййау та дзы цъахдаандаг сси.* — Пастух чёрной горы съел чернику, а пастух белой горы набил оскомину.

Наиболее универсальным способом выражения метафорического переноса является сравнение, отражающее национально-специфическое видение мира. Объясняется это тем, что перед нами «самый древний вид интеллектуальной деятельности, предшествующий счёту» [Сепир 1993: 187]. Образность в осетинских паремиях достигается с помощью связывающих слов: *аѣмхуызон* ‘сходно’; *хуызан* ‘одинаково’; *гасгæ* ‘подобно; согласно, похоже’; *афтæ* ‘так, как’; *хъауджыдæр нæй* ‘в отличие от (друг от друга), разницы нет, отличия нет, всё равно, словно’. Например, *Сæгъ амае бирæгъæй хъауджыдæр не сты.* — Они всё равно как коза и волк / Они подобны козе и волку / Разница между ними как между козой и волком).

Оттенок сравнения присутствует и в поговорках, синтаксически организованных в виде простых предложений с обязательным присутствием частицы *дæр* ‘и то’, ‘даже’; ср., *Рынчын хъæды саг дæр кæны.* — Олень в лесу и то заболевает; *Сабыр ныхасмæ калм дæр хъусы.* — К тихому слову даже змея прислушивается; ср. грузин.: *Из норы сердечным словом можно вызвать и змею* (вариант: *Можно речью сладкозвучной из норы извлечь змею*) [Руставели 1938, сказ 25]. *Стæг домбайы хъуыры дæр бады.* — Кость даже у льва в горле застревает. *Зæрватыкк дæр ма йæхицæн хæдзар кæнын зоны.* — Ласточка и то умеет строить себе дом. *Мыст дæр ма зымæгмæ вæрæнтæ кæны.* — Мышь и то к зиме припасы делает.

Во всех случаях предметом сравнения является человек, а образы берутся из мира животных как эталонных носителей его положительных или отрицательных качеств. Считается, что сравнение как образный и креативный приём передаёт концепцию оценки человека, основанную на его наблюдательности и жизненном опыте.

Не только в пословицах для выявления аналогий между человеком и природой используется приём параллелизма, эта же фигура даёт широкие возможности для демонстрации контрастов в состоянии природы, растений и животных в загадках; ср.: *Æхсæв уыны, бон — нæ (хæлынбыттыр)*. — Ночью видит, днем — нет (*летучая мышь*). *Доны мидæг æгас у, сурыл мард (кæсаг)*. — В воде жива, на суше мертва (рыба).

В одночленных поговорках, в которых два предмета, образа, качества соотносятся друг с другом на основе какого-либо признака и даются в порядке нарастания этого признака, наличествует такой приём, как градация; ср.: *Æрсытæй алыгъдис — бирæгътæм бафтыдис*. — От медведя убежал — к волкам попал.

Ряду неодушевленных предметов и явлений в осетинских загадках и пословицах приписываются свойства живых существ: одушевляются, например, растения. Ср.: *Нæ куыройы фæстæ хæцаг калм (Пысыра)*. — За нашей мельницей жалящий змей (Крапива). *Дæлдзæхæй нæ сырх гал йе 'взæгтæ суагъта (Цæхæра)*. — Из подземелья наш красный бык свои языки выпустил (Свёкла). *Бæндаен хизы, æмæ род нæрсы (Нас)*. — Верёвка пасётся, а телок растёт (Тыква). *Иу лæгаен дыууæдæс фырты (Афæдз)*. — У одного человека двенадцать сыновей (Год). Олицетворение животных нередко встречается и в осетинских веллеризмах: *Цæргæс загъта: «Хуарз лæг мæ нæ фехсдзæнæй, æдули ба мæ раргъæвдзæнæй»*. — Орёл сказал: «Хороший человек в меня стрелять не будет, а дурак — не попадёт». *Гоппойцъеу дæр уотæ: «Цæуæн æма хуцауи гъос радавон»*. — Жаворонок тоже хвастался: «Пойду и украду у бога ухо». *Саг йæ родæн афтæ загъта: «Æз адæмæн сæ уындмæ бæллын, уыдон та мæ топпæй æхсынц»*. — Олениха своему оленёнку так сказала: «Я стремлюсь на людей посмотреть, а они в меня стреляют».

Достаточно распространена форма сравнения с суффиксом уподобительного падежа *-ау*. Ср.: *Сау у халонау, хæцын зоны куыдзау (Æхсынкъ)*. — Черна, как ворон, кусать умеет как

собака (Блоха). *Галау сыкъаджын у, маргъау тæхгæ каены, хуыйау зæхх къахы (Хъæндил)*. — Как бык рогат, как птица крылата, как свинья роет землю (Жук).

Встречаются загадки, в которых сочетаются лексический и антитетический параллелизм: *Сау гал бацауы æмæ сæ амары, урс галл бацауы æмæ сæ райгас каены (Æхсæв æмæ бон)*. — Чёрный бык входит и всех умерщвляет, белый бык входит и всех оживляет (Ночь и день).

Для пословиц и поговорок характерны вариантность и инвариантность. В исследуемых паремиях осетинского языка имеется большое количество словоупотреблений лексем-компонентов, которые участвуют в создании образности их текстов.

При анализе образности паремий в первую очередь «прочитывается» культурная семантика самих образов: устанавливается, как интерпретируется действительность; какие признаки предметов, лиц или явлений природы отмечаются, как оцениваются. Здесь главную роль играет не столько умение видеть сходство между предметами фольклорного мира, сколько способность при помощи ассоциативного мышления передать в выявленном подобии определенный смысл [Ойноткинова 2012: 71]. Подтвердим данное положение примерами.

В паремиях встречаются орнитоморфные образы, создающие ассоциативный ряд коннотативных образов с устойчивыми предикативными характеристиками [Назарян 1976: 119–136]: *цъиу, маргъ* ‘птица’; *цаергæс* ‘орёл’; *зæрватыкк* ‘ласточка’; *дзывылдар* ‘синица’; *буламергъ* ‘соловей’; *гæркъæраг* ‘сорока’; *æхсинæг* ‘дикий голубь’; *хæлынбыттыр* ‘летучая мышь’; *уæрцц* ‘перепел’; *уыг* ‘сова’; *халон* ‘ворона’; *сынт* ‘ворон’; *хъæрццыгъа* ‘ястреб’.

В мифологии осетин *цаергæс* ‘орёл’ является священной птицей и тотемом некоторых осетинских обществ, рода *Цæразонтæ* и фамилий Царгасовых и Гудцовых. В Нартиаде и сказочном фольклоре осетин орёл нередко выступает

в роли медиатора-посредника между мирами. *Цæргæс* — птица Бога-Творца, его посланник [ОЭЭ 2012: 610]. Способность быстро летать и подниматься так высоко, чтобы превосходить низкие силы, — основная характеристика символики орла. Образ *орла* используется в пословицах для объяснения различных черт характеров людей; он является символом царственности, величия, благородства, силы, мощи, одухотворённости, владыкой воздуха. Ср.: *Цæргæсы цæст дардмæ уыны*. — Орлиный глаз далеко видит. *Цæргæсы бырынкъ йæ ныхтæй тыхджындыр у*. — Клюв орла сильнее его когтей. *Цæргæс куынæуал фæтæхы, уæд цæды был хизы*. — Когда орёл перестает летать, то у берега озера пасётся.

Зæрватыкк 'ласточка' — самое любимое существо из неприрученных человеком у осетин и их предков. В фольклоре осетин *зæрватыкк* выступает как спасительница людей, существо одухотворённое, наделённое разумом, волей, чувствами, речью. Ласточка, по просьбе Нартов, отправлялась с различными поручениями к небожителям. *Зæрватыкк* — глашатай Царства мёртвых, убить, ранить её считалось грехом. В образе ласточки следует видеть древнейший тотем. *Зæрватыкк* считается добрым вестником, предвестником весны и благополучия. Гнездо ласточки на стене или под крышей обеспечивает дому счастье и защищает от пожара, поэтому разорять его нельзя ни в коем случае. Осетины её повсеместно почитают из-за древнего верования в то, что, якобы, в образе *зæрватыкк* души предков посещают родные места [ОЭЭ 2012: 218]. Ласточка — аллегория весны, символ счастья, надежды, домашнего тепла, возрождения. *Зæрватыкк йæ лæппынтæн йæ ахстоны фарсмæ зарджытæ фæкæны*. — Ласточка своим птенцам около своего гнезда песни поет. *Зæрватыкк — адæмæн уарзон*. — Ласточка — любимица народа. *Зæрватыкк хæдзары адæмимæ цæры*. — Ласточка живёт в согласии с обитателями дома.

Дзывылдар/Дзубулдар ‘синица’ — птица, наделённая, по поверьям осетин, божественным даром определения времени; по её прилету осетины весною приступали к пахоте и севу. О связи *дзывылдар* с аграрным культом осетин свидетельствует её название, означает букв. ‘управляющая сохой’, ‘пахарка’ [ОЭЭ 2012: 202]. *Зæрватыкк æма дзывылдар* — *хуыцауы царзон маргъта*. — Ласточка и синица — божьи любимицы.

Согласно нартовским сказаниям, небожители летали на землю в образе *æхсинæг* ‘дикого голубя’, освещавшего округу. Три дочери Донбеттыра, перевоплощаясь в голубей, прилетали в сад Нартов за золотым яблоком. В осетинских волшебных сказках три девушки-голубки слетаются к молочному озеру купаться; по некоторым вариантам, в голубку превращается красавица Джулата. Функцию девушек-голубок в вариантах сказки выполняют дочери Солнца [ОЭЭ 2012: 94]. *Æхсинæг* — символ души, духовности, нежности и любви; олицетворение кротости, пугливости, супружеской верности и долголетия. *Мæсыджы сæр дзæнхъатæ* — *‘хсинæджы бадæн*. — Кварц (горный хрусталь) на вершине башни — голубиное место.

Буламаргъ ‘соловей’ — символ певчего дара, таланта, чистоты, любви.

Буламаргъ кадджын маргъ у — *æвд æвзагæй зары*. — Соловей почётная птица — на семи языках поёт.

Уыг ‘сова’ — символ колдовства и мудрости. Согласно осетинской легенде, девочка, попав в ад, обратилась к богу, чтобы он превратил её в сову *уыг*. С тех пор днём она прячется в дупле, а ночью издаёт звук «у-у-у». *Уыгæн йæ зæрдæ фæлмæн у, æма йæ йæ сынтытæ ныттоныц*. — Сердце совы мягкое, и её вороны раздрают. *Уыгæн йæ сæр* — *истыр, йæ зæрдæ* — *фæлмæн*. — У совы голова — большая, а сердце — мягкое.

Образ ворона амбивалентен. С одной стороны, это — символ мудрости, долголетия, памяти рода, а с другой — связь с потусторонним миром, зло вообще. *Сынт* ‘ворон’ — вещая птица в фольклоре осетин: предсказывает смерть, криком

своим предвещает горе. *Сынт хъæрцыгъа нæу, ыскъæргæ нæ кæны*. — Ворон не ястреб, стремительно не летает. *Сынт дæр бадæн агуры*. — Даже ворон пристанище ищет.

Халон ‘ворона’ — вещая птица, которая у осетин ассоциируется с двумя понятиями. Существует поверье, согласно которому в доме умрет глава семьи или другой его член, если над домом каркнет ворона. Крик *халон* на пути странника также предвещает смерть, отсюда и её связи с душами умерших, с загробным миром. Нередко и в фольклоре *халон* выступает как отрицательный персонаж, предвестник несчастья, демонический посланник, связанный с царством мертвых. В эпосе осетин *халон* — посланница неба и к небу. Далекие предки осетин усматривали в *халон* тотемического предка, спасителя людей, и потому её не убивали. *Халон* — символ бдительности.

В осетинском фольклоре есть легенда о том, как *халон* спасла людей от смерти. Ядовитой змее удалось заползти в новый котёл, в котором, по одной версии, варилось мясо жертвенного животного, по другой — сакральное пиво к культовому празднику, но *халон*, увидев это, с высоты бросилась в кипящий котёл, чем спасла людей от гибели. Ежегодно фамилия Кесаевых устраивает пиршества в честь культовой птицы-вороны, а Торчиновы и Гудцовы чествуют птицу праздником *Халоны куывд* [ОЭЭ 2013: 548–549]. *Халон халоны дардмæ базоны*. — Ворон ворона издали узнает (примечает). *Мард бахы сæр — халоны бадæн*. — Голова мёртвого коня — пристанище для вороны.

Образ *хæлынбыттыр* ‘летучая мышь’ амбивалентен. Летучая мышь олицетворяет слепоту и является атрибутом ночи, обозначая дьявола, ассоциируется также с чёрной магией и является метафорой ведьм. *Хæлынбыттыр куы маергъты сайы, куы — мыстыты*. — Летучая мышь то птиц обманывает (дурит), то мышей.

Гæркъæраг ‘сорока’ — так называют сплетницу, а также воровку или модницу, падкую на блестящее, эффектное.

Олицетворение женской болтливости и вороватости. *Гаркъяраг* — *маргътаен сә уасәг*. — Сорока для птиц — петух.

Хъарцигыгъа ‘ястреб’ — символ крайней кровожадности, жестокости, напористости, злобности и безрассудности в охоте. Главная повадка у ястреба — захватить врасплох, напасть из засады. Аллегория злой мысли грешника. *Сынт хъарцигыгъа нау, скъарга на каены*. — Ворон не ястреб, стремительно не летает.

Концепты-гиперонимы *маргъ*, *цъиу* присутствуют в по-словицах, несущих в себе характеристику горца-осетина и особенности его психологии. Ср.: *Цъиу аргъавстәй аенцон ахсан у*. — Окоченного птенца легче ловить. *Хъаддаг цъиу хъауккаг ахтоны на лаууы*. — Дикий птенец в сельском гнезде не приживается (к сельскому гнезду не привыкает). *Быдираг маргъаен хахбаесты зын цаеран у*. — Полевой птице в горах трудно жить.

Уарци ‘перепёлка’ — символ нежности, уюта и заботливости. «Перепёлку нельзя назвать ни красивой, ни одаренной птицей, но, несмотря на это, она привлекает всеобщее расположение. Этим она обязана своему звучному призывному крику. <...> Ходят они скоро, но неуклюже, втянув голову, опустив хвост и кивая на каждом шагу головой; летают быстро, порывисто и шумно, но неохотно и спасаются от преследований всегда бегством. <...> Самки — очень нежные матери и нередко принимают к себе осиротелых цыплят других перепелов» [Брэм 1992: 186].

Рассмотрим несколько примеров. *Уарци ләзгъаерыл ахтон на каены*. — Перепёлка на прогоне гнездо не свивает. *Уарци баласыл на бады*. — Перепёлка на дереве не сидит. *Къутар — уарциаен амбахсан*. — Куст — укромное место перепёлки. *Уарциаен былдыхъхъ-былдыхъхъ* (вариант: *быллыхъхъ* — звукоподражательное, означающее крик перепела. — Б. Е.) — *йә фәззәгон зарәг*. — Для перепёлки крик *былдыхъхъ-былдыхъхъ* — её осенняя песня.

Уæрци — *былдыхъхъ*, *мыст та* — *цъыззытт* (звукоподражание — Б. Е). — Перепел — *былдыхъхъ*, а мышь — *цъыззытт*.

Паремии имеют тройственную природу: они — явления языка, мысли и фольклора [Пермяков 1975: 247], и это обстоятельство даёт нам основание считать осетинские тексты загадок выражением скрытых концептов, свойственных народной культуре осетин, их быту и повседневности.

Загадка *уыци-уыци* как выигрышная языковая форма для кодировки скрытых денотативных смыслов есть способ языкового кодирования мира, и в её основе — метафора во всех её проявлениях, в которой аналогия способствует сохранению двуплановости, мотивированности. Если в сравнении сопоставляются два предмета по одному или нескольким признакам, то завершение этого сравнения через соединение этих признаков происходит уже в метафоре. Ср.: *Сау царгæс æ базуртæ цъæх арбæл райтигъта, хори цаæстæ ба бамбæрзта (Мигътæ)*. — Черный орёл свои крылья по синему небу расправил, солнца глаз закрыл (Тучи). Метафоричность загадки в соотношении образа уподоблению предмету отгадывания. Ср.: *Цыппар мадæн фæйна фондз фырты, се 'гасæн дæр уыцы иу ном (Къухты æмæ къæхты ныхтæ)*. — У четырех матерей по пять сыновей, и все с одним и тем же именем (Ногти рук и ног).

Есть загадки, в которых звукоподражание служит своеобразной подсказкой: *Ам—цъыкк*, *уым* — *цъыкк*, *Царæзаны æфцаегыл æртæ цъыччы (Зæрватыкк)*. Здесь — хлоп, там — хлоп, об перевал Царазона три хлопа (Ласточка). *Нæ тъæри рабун гъур-гъур арс (Гæды)*. — У нашего очага брюзжащий медведь (Кошка).

В основе загадки может лежать и ритмическая организация: *Йæ ас чысыл, йæ хæст стыр (Сыст)*. — Ростом мала, укус её силён (Вошь); здесь кодирование ответа по первым звукам или слогам слов в её образной части. В следующих примерах представлены сочетания приёмов синтезирования

и звукового моделирования: *Нæ галаен æстдæс сыкъайы (Саг)*. — У нашего быка восемнадцать рогов (*Олень*). *Сахи рæсугъдтæ талинги бадунцæ, кæркæ-мæркæ расугъд тунтæ дарунцæ (Мудибиндзæ)*. — Шахские красавицы в темнице сидят, полосато-лучистые одеяния на них пестрят (Пчѐла). Пример параллелизма: *Йæ къоппа — хырх, йæ дымæг — æхсырф (Уасæг)*. — Его гребень — пила, хвост его — серп (Петух).

Денотатами в загадке выступают номинации диких животных, обитающих в естественно-природных условиях и в чужом для человека пространстве, употреблённые в функции кода:

саг ‘олень’ — *гал* ‘бык’: *Нæ галаен æстдæс сыкъайы (Саг)*. — У нашего **быка** восемнадцать рогов (**Олень**);

теуа ‘верблюд’ — *баех* ‘лошадь’, *хæрæг* ‘осёл’: *Баехау дары саргъ, хæрæгау — дымæг, фæлаæ сæ цу дæр нæу æмæ инна дæр (Теуа)*. — Как **лошадь** с седлом, как **осёл** с хвостом, да не тот и не другой из них (**Верблюд**).

Но животные в роли загаданных объектов могут кодироваться, в свою очередь, и названиями других животных:

хъæндил ‘жук’ — *гал* ‘бык’, *хуы* ‘свинья’: *Галау сыкъаджын у, Маргъау тæхгæ кæны, Хуыйау зæхх къахы (Хъæндил)*. — Как **бык** рогат, как птица крылата, как **свинья** роет землю (**Жук**);

сыстытæ ‘вши’ — *бирæгътæ* ‘волки’: *Нæ цары саухъæд, Саухъæды бирæгътæ (Сыстытæ)*. — На чердаке нашем тёмный лес, в том лесу — **волки (Вши)**.

Известно, что по форме выражения *уыци-уыцитæ* (‘загадки’) делятся на положительные и отрицательные. В отрицательных загадках при явном противопоставлении загадываемые предметы и их метафоры порою сближаются по некоторым признакам: *Сау у æмæ сынт нæу, тæхы, æмæ маргъ нæу, сыкъатæ йын ис, æмæ гал нæу (Хъæндил)*. — Чёрный, да не ворон, летает, но не птица, рогат, но не бык (Жук). Заметим, что более распространена в осетинских загадках отрицательная форма выражения: *Сырд нæу, маргъ нæу, хæссы фат, тæхы хъæргæнгæ, чи йæ амары, уый туг акæлы (Къогъо)*. —

Не зверь, не птица, имеет стрелу, с шумом летает, кто его убивает, кровь свою проливает (Комар).

Наличие в загадке несочетаемых объектов свидетельствует о том, что перед нами загадка-парадокс, основанная на соотношении двух объектов образа уподобления и отгадки, у которых тождественна лишь одна функция: *Æнæ къох, æнæ кардæй туасæй хæдзарæ исаразуй (Зæрватукк)*. — Без рук, без ножа шилом дом смастерила (Ласточка).

В осетинском фонде загадок содержатся пласты различных времён, языков, культур. Например, тюркизмы, существующие в осетинской антропонимике, соответственно присутствуют и в загадках. Имена тюркского происхождения по структуре одно- или двухкомпонентные, в загадках встречаются имена обоих типов. В данном примере тюркизмом является топоним *Крым: Ами тъупп, уоми — тъупп, Хъæрæми фатæй рагæпп кодта (Æхсæукъæ)*. — Здесь — прыг, там — скок, из лука **Крыма** выскочила (Блоха).

Топонимы, которые встречаются в осетинских загадках, являются названиями перевалов: *Цæразоны æфцæг* ‘перевал Царазона’, *Ирæдоны æфцæг* ‘перевал Ирадона’, *Тæрæни æфцæг* ‘перевал Тарана’; ср.: *Ам — цъыкк, Уым — цъыкк, Цæразоны æфцæгыл Æртæ цъыччы (Зæрватыкк)*. — Здесь — хлоп, там — хлоп, об перевал Царазона три хлопа (Ласточка). И.Н. Цаллагова считает эти географические названия вымышленными, служащими лишь для «звукового оформления загадки, для орнамента». Они наблюдаются только в разных вариантах одной загадки [Цаллагова 2010: 80].

Изобразительно-выразительные средства осетинского языка: эпитеты, метафоры, параллелизмы, аллитерации, звуко-ритмическая интонация, антитезы, сравнения и пр. — способствуют созданию одухотворённого образа в каждой загадке. К примеру, в основе метафоры-загадки — неназванное сравнение предмета с каким-либо другим предметом; эти образы — предметные. Ср.: в загадке *Нæ галæн æстдæс*

сыкъайы (Саг). — У нашего быка восемнадцать рогов (Олень). Цифра 18 поддерживается лишь аллитерацией звука (-с-) для благозвучия; здесь условное числительное для обозначения множественности; а в загадке *Дыууа калмы кæрæдзимæ бырыны æмæ кæрæдзимæ нæ хæццæ кæныны* (Æрфгуйтæ). — Две змеи друг к другу ползут и никак не доползут (Брови). — количественное числительное с «уточняющей» функцией; приём олицетворения придаёт этой загадке индивидуальную художественную завершённость. В осетинском языке преобладают загадочные тексты с функцией адекватного исчисления отгадываемых предметов, а выбор цифр с функцией множественности мотивируется требованиями поэтики жанра [Цаллагова 1993: 110].

Общеизвестно, что лапидарность, сжатость текста загадки является особенностью её синтаксиса и служит достижению компактности изложения. В осетинских загадках употребляются как простые, так и сложные предложения, правда, вопросительные сложные предложения встречаются крайне редко.

В загадках широко распространены простые двусоставные предложения с эксплицитным подлежащим и сказуемым, причём в большинстве случаев подлежащее выражается как нарицательным, так и собственным именем существительным. Ср.: *Тар хъæды хуытæ хизыны* (Сыстытæ). — В дремучем лесу свиньи пасутся (Вши).

Порою в двусоставных предложениях встречается и будущее время: *Уой тунæй тæнæгдæр тунæ не ссердзæнæ* (Хæлуарæг). — Тоньше его ткани ткань не найдешь (Паук).

В следующих загадках налицо однородные личные формы глагола: *Фæззæг æ къæсмæ бацудæй, уалдзæг ба гъузгæ рацудæй* (Арс). — Осенью в логово залез, весной же робко вылез (Медведь). Или: *Цæуй, æ сæрбæл балæстæ хæссуй* (Саг). — Идёт, на голове деревья несёт (Олень).

Примерами антонимических противопоставлений однородных глагольных форм являются следующие загадки:

Бона на цауи, ахсавва ба хатуи (Уыры). — Днем не выходит, ночью рыщет (Крыса).

Талынджы уыны, рухсы на уыны (Уыз). — В темноте видит, при свете не видит (Сова).

Могут противопоставляться друг другу глагольное и именное сказуемое по категории утверждение-отрицание. Ср.: *Тахы ама цыу нау, ахсыны, ама тархъус нау (Уызын).* — Летит, но не птица, грызет, но не заяц (Еж). Такое же противопоставление возможно и внутри разных типов именного сказуемого: *Сыкъаджын у, ама гал нау, дугъон у, ама бах нау, гæппæнаг у, ама ахсæнкъ нау (Саг).* — С рогами, но не бык, скачет, но не лошадь, прыгает, но не блоха (Олень). «Отрицание действий, свойств объектов, противопоставленное их утверждению, чрезвычайно характерно для осетинской загадки. Это своеобразное синтаксическое клише является совершенно обязательной чертой её текста» [Цаллагова 2010: 134].

В большинстве случаев загадки начинаются с притяжательных местоимений краткой формы; в этом случае конструкция загадки: местоимение *на* + имя существительное в различных падежах: *На заронд лагыл тинтычы кæри (Сагъ).* — На нашем старике пуховая шуба (Козёл). Единичны случаи применения местоимения второго лица множественного числа *уæ* 'ваш'. Ср.: *Уæ дæлтъурæ гъунтъуз арс (Тикис).* — У вашего очага взъерошенный медведь (Кошка).

В осетинских загадках наиболее распространены придаточные условия и образа действия, намного реже встречаются определительные, дополнительные, придаточные причины и времени. Гораздо чаще наличествуют бессоюзные сложные предложения (или предложения с однородными сказуемыми), в которых, согласно структурно-семантическим особенностям, предложения однородного состава, части которого однотипны и одинаково относятся к образуемому ими целому; например: *Минкъи бицъеу тургътабæл зелаентæ кæнуи, листæг мортæ хæлафæй фæийедзуй, гъæмпи рагъи йе хсæва рарветуй (Сыррдонцыу).* — Маленький парнишка по двору

рыщет, мелкие крошки жадно подбирает, в стоге сена ночь свою проводит (Воробей).

Как известно, семантическая сфера концепта служит метафорической передачей представлений об окружающей нас действительности, отражает своеобразие языковой картины мира этноса. Этнокультурная специфика зоонимов позволяет прочитывать их как этнокультурные тексты, причём их интерпретация возможна в контексте культурных смыслов лишь через определённые коды культуры: символы, поверья, обычаи, традиции, ритуалы, стереотипы-образы, архетипы и мифологемы. Замеченное означает, что, как знаки национальной культуры, они являются образной базой формирования идиоматических единиц, включенных во внутреннюю форму идиом, которая, в свою очередь, имеет «центром» своим зооним. Ср.:

Арсы хъуыны маелдыг — букв. 'в медвежьей щетине муравей', т. е. «капля в море».

Йахи мыл бирагъы цаф ныккодта. — Набросился (на меня), как волк.

Саглаг — букв. 'олень-человек'; так говорят о достойном, мужественном человеке.

Калмы 'взаг — букв. 'змеиный язык'; т. е. колкий, злобный, острый язык; *калмы заерда* — букв. 'змеиное сердце'; так говорят о злом, завистливом, коварном человеке.

Животный мир чрезвычайно многообразен. В каждой модели мира существует определённая численность его представителей; они сосредотачивают в себе преобладающие функции и атрибуты, сюжеты и мотивы, составляют тот фонд, тот культурный мир, который лежит в основе идеоэтнической языковой картины мира.

Концептуализация внешнего и внутреннего мира человека с помощью фразеологизмов, содержащих в своем составе анималистический компонент, имеет достаточно широкий спектр. Зооним обеспечивает образно-ассоциативное восприятие окружающего мира, о чём свидетельствуют пословицы:

Хъæддаг сырд дзуджы астау на лаууы. — Дикое животное в центре стада не стоит.

Сырд сырды фыдыл на ауарды. — Зверь плоти зверя не бережет.

Цæф сырды гæпп бирæгъ дæр не ййафы. — Прыжок раненого зверя и волк не догоняет.

Сычыйæн къæдзахтæ æрнаджытæ сты. — Серне скалы что общий выгон.

Пыл хъæддаг у, фæла ахуыр дæр кæны. — Слон дикий, но обучаем.

Арс йæ холы æмбыдæй хæры. — Медведь свою падаль сгнившей (прогнившей) поедает.

Арс цымы бын базæронд. — Медведь под кизилом состарился.

Зæронд арсаен бæласмæ схизын амонын на хъæуы. — Старому медведю не нужно указывать, как на дерево взбираться.

Арсаен йæ лаптын — лагæты къæбицы хицау. — Медведю его детеныш — в кладовой берлоги начальник.

Арс йæ фист зымæг на калы. — Медведь свою шерсть зимой не меняет.

Арс ма хъыгдар æмæ дыл богътæ ма кæна. — Медведя не тревожь, и он не будет на тебя реветь (рычать).

Цæф арс мæстыгæр ваййы. — Раненый медведь бывает озлоблен.

Тархæды балбирæгтæ хицау сты. — В дремучем лесу стая волков заправляет.

Балон бирæгъ фыдвæндаг на кæны. — Волк в стае неудачным не бывает.

Бирæгъы ссыр хæйрæгæн знаг у. — Клык волка для черта напасть (враг).

Бирæгъæй хæйрæг дæр тæрсы. — Волка и черт боится.

Бирæгъ зæрондæй дæр йæ кæнон на уадзы. — Волк и в старости своих привычек не оставляет.

Бирæгъ бахæра — на бахæра, уаддар æфсæст у. — Поест волк или нет — все равно он сыт.

Бирагъы *йæ къæхтæ дарынц (æфсадынц)*. — Волка ноги кормят (букв. 'насыщают').

Бирагъ *йедтамае йæхи фыд ничи хæры*. — Кроме волка, своё же мясо никто не ест.

Æррае *бирагъы куыйта хæрынц*. — Бешеного волка собаки поедают.

Рувасæн *йæ амонд хæраджы сæрай стырдаер у*. — Счастье (участь) лисы больше ослиной головы.

Цæллаг рувас *бирае цæры*. — Пирующая лиса долго живет.

Сæлавырæн *йæ номæй йæ царм зынаргъдаер у*. — Шкура куницы дороже ее имени (названия).

Тæрхъус *хæраджы йæ хистæр арвад хоны: нæ сæрта æмае, дам, нæ хъуста æмхуызон сты*. — Заяц осла старшим братом считает: головы наши, мол, и уши одинаковы.

Тæрхъус *æппæтæй хъуста у, фæлæ уæддаер рувасы амæттаг фæвæййы*. — Заяц всем, что есть — уши, но всё равно становится участью лисы.

Уыр *уæлхох нæ цæры*. — Выдра в нагорье не живет.

Уыр *надæй тæрсы*. — Выдра битья (побоев) боится.

Мыстытæн *сæ паддзах — мыстулаг*. — Мышиный король — ласка.

Мыстулаг *йæ 'фхæрд нæ бары*. — Ласка свою обиду не прощает.

Фаджыс хъæндилаен — *йæ къæбиц*. — Навоз для жука — кладовая.

Æхсæнкъ *йæ тæлфынаей хъыгдары*. — Блоха своей возней мешает.

Дзынга — *рагъауы фосæн сæ сурæг*. — Овод для скота на пастбище — их разгонщик.

Зоонимный код культуры закрепляется в лексике, фразеологии и паремиологии. Наделять животных человеческими качествами — отрицательными или положительными — черта, присущая людям издревле.

Семантика значительной части сравнительных оборотов с названиями животных, птиц и насекомых группируется

в понятийные классы, в центре которых находится внешняя деятельность человека: его поведение, поступки, отношения в обществе, его коммуникативные способности, физические возможности и физическое состояние. В зеркале зооморфных метафор и сравнений отражается духовная сфера: человек и его нравственная сущность, волевые, эмоциональные и интеллектуальные действия и состояния, черты характера, отношение к другим людям, к вещам и к себе. Конечно же, специфический набор признаков, отражающих образное переосмысление лексики, называющей живые существа, в каждом языке специфичен. Даже звуки, производимые живыми существами, по-особенному преломляются в коллективном сознании каждой культуры.

По мнению В.Н. Телия [1996], сведения, отраженные в языке, репрезентируют общее и национально-специфическое сознание, ведь одна и та же ситуация, осмысливаясь по-разному, отражает в каждом языке особое видение мира, культуру быта и общения, иерархию ценностей и человеческих отношений.

В этом плане зоонимный фонд языка важен для определения спектра образов, которые человек выделяет из множества элементов мира животных, находя их пригодными для ассоциирования и членения внеязыковой действительности. Известно, что животные могут вести себя по-человечески, но и люди ведь живут по-разному, в разных социально-бытовых условиях, и это разнородное целое отражается в языке и национальном сознании.

Зоонимы, орнитонимы и инсектонимы — многомерное явление, отражающее объективную действительность и связанное с характеристикой социальных и психологических особенностей человеческой личности: они «концептуализируя внешний и внутренний мир человека, участвуют в создании языковой картины мира и способствуют выявлению универсальных и национально-специфических особенностей» [Гукетлова 2009: 108].

Паремии отражают национальную специфику языка, обладают образностью, оценочностью и экспрессивностью, чем придают речи особый колорит и выразительность.

Литература

Брэм А.Э. Жизнь животных. В 3 т. Том II. Птицы. Москва, 1992.

Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале кабардино-черкесского, русского и французского языков). Отв. ред. д.ф.н., проф. *З.М. Габуниа*. Москва, 2009.

Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. Москва, 1976.

Ойноткинова Н.Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: монография. Отв. ред. *О.Н. Лагута*. Новосибирск, 2012.

Осетинская этнографическая энциклопедия [Текст]. Сост. *Л.А. Чибиров*. Владикавказ, 2012.

Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору. Москва, 1975.

Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре. Пер. *П. Петренко*. Москва, 1938.

Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва, 1993.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва, 1996.

Цаллагова И.Н. Язык осетинской загадки. Владикавказ, 2010.

Цаллагова З.Б. Афористические жанры осетинского фольклора. Владикавказ, 1993.

Источники

Гутиев К.Ц. Осетинские пословицы и поговорки (на осет. яз.). Орджоникидзе, 1976.

Тменова Д.Г. Осетинские народные загадки. Владикавказ, 2000.

Бесолова Елена Бутусовна
ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и
социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Пра-
вительства РСО-Алания
elenabesolova@mail.ru